

Алексеев Александр Борисович
Российская Академия народного хозяйства и государственной службы
г. Москва, Российская Федерация
neuausstatten@mail.ru

Невежливость как нападение на лицо (на материале американских политических дебатов 2020 г.)

Аннотация

В свете таких коммуникативных трендов, как лудизация и эмоционализация, современная политическая коммуникация более восприимчива к использованию говорящими невежливости. Целью статьи является описание невежливости в политическом дискурсе и смежных с ней явлений – дискредитации и речевой агрессии. Несмотря на то, что невежливость в конечном счёте воспринимается как таковая лишь на субъективном, персональном уровне, обращаясь к концепции лица, заимствованной из восточных культур и разработанной зарубежными лингвистами, объект изучения можно представить в научных категориях. Лицо – это образ себя, состоящий из 1) позитивных характеристик личности (лицо качеств в терминологии Дж. Калпепера); 2) положительного видения социальной группы, к которой принадлежит индивид (лицо социальной идентичности); 3) отношений с другими людьми, сформированных человеком в определённом коллективе (лицо отношений). Материалом для исследования послужили более 400 невежливых контекстов, выявленных в дискурсе американских президентских дебатов 2020 г. В статье использованы: критический дискурс-анализ, лингвопрагматический анализ, лингвополитическая интерпретация, контекстуальный и содержательно-семантический анализ, квантитативный метод. Установлено, что в политическом дискурсе наиболее распространена дискредитация лица качеств противника, что определяется необходимостью поставить под сомнение рациональность его действий, точек зрения и скрывающихся за ними идеологий. Широко употребляется имплицитная речевая агрессия, а невежливость порой перемежается вежливостью. С другой стороны, в ходе противостояния между непримиримыми политическими платформами такое встречается нечасто, а говорящие склоняются к оскорблениям лица социальной идентичности или даже лица отношений.

Ключевые слова: дискредитация, инвектива, лицо, невежливость, политический дискурс, речевая агрессия

© Алексеев А. Б. 2024

Для цитирования: Алексеев А. Б. Невежливость как нападение на лицо (на материале американских политических дебатов 2020 г.) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2024. Вып. 10, № 3. С. 5–21. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-5>

Aleksandr B. Alekseev
The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration
Moscow, Russian Federation
neuausstatten@mail.ru

Impoliteness as face attack (Based on American presidential debates of 2020)

Abstract

Against the backdrop of such communicative trends as ludification and emotionalization, political communication is more susceptible to the speakers' use of impoliteness. The article aims to describe impoliteness and adjacent phenomena including discreditation and speech aggression in political discourse. Despite the fact that impoliteness is ultimately perceived as such only on the subjective, or personal level, it is possible to describe it in scientific

categories by using the idea of face originating from Oriental cultures and explicated by Western linguists. Face is the way people perceive themselves that according to J. Culpeper, consists of (i) the person's positive features (quality face); (ii) favorable views of the social group which the individual belongs to (social identity face); (iii) relationships with others, formed within a particular team (relational face). More than 400 impolite contexts found in the discourse of 2020 American presidential debates were selected to be the material for this study. The material was processed using critical discourse analysis, linguopragmatic analysis, linguopolitical interpretation, contextual and linguosemantic analysis, quantitative method. It was found out that in political discourse, the quality face attack was the most common. This is explained by the need to question the rationality of the opponent's actions, views and ideologies lurking behind them. Implicit speech aggression was widely used and impoliteness was sometimes alternated with politeness. On the other hand, it was rare in the process of struggle between irreconcilable political platforms. In such cases, speakers were more likely to attack social identity face or even relational face.

Keywords: discreditation, the invective, face, impoliteness, political discourse, speech aggression

© Alekseev A. B. 2024

For citation: Alekseev, A. B. (2024). Nevezhlivost' kak napadenie na litso (na materiale amerikanskikh politicheskikh debatov 2020 g.) [Impoliteness as face attack (Based on American presidential debates of 2020)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 10 (3), 5–21. <https://doi.org/10.22250/24107190-2024-10-3-5>

1. Введение [Introduction]

Понятие «невежливость», на первый взгляд, не представляет исследовательского интереса. В науке, как, по понятным причинам, и в повседневной жизни, сложилась традиция поощрять вежливость вплоть до того, что её антипод может считаться поведенческой аномалией, свидетельством низкой речевой культуры коммуниканта, его прагматическим провалом [Culpeper, 2011, p. 9]. Если использование невежливости осуждается в персонально-бытовых разговорах, тем более оно недопустимо в институциональных дискурсивных средах. Между тем, современные дискурсы отмечены повышенной эмоциональностью [Селиванова, 2023, с. 45], лудизацией (от лат. *ludo* 'играю'; лудизация / людизация – тренд на привнесение в общение игровых, развлекательных элементов) [Алексеев, 2023, с. 176], театральностью, провокационностью [Салимова, 2023, с. 42] и, как следствие, усилением в них личностного начала, что неизбежно размывает саму оппозицию «персональный – институциональный» [Пак, 2022, с. 211]. Коммуникативное поведение людей всё чаще характеризуется неумением выслушать собеседника, вспльчивостью, готовностью наругать [Мальцева, 2022, с. 4]. Растёт количество употреблений дисфемизмов [Бодулева и др., 2023, с. 21]. Это связано не только с ростом стрессогенных факторов в социуме. По всей видимости, использование невежливости нередко является осознанным выбором говорящих, ведь демонстрация вежливости, сдержанности и самоконтроля в публичном дискурсе начинает приравниваться либо к слабости, либо к неискренности, что соответствует общему вектору развития коммуникации первой четверти XXI в. Американизация, ведущая к распространению сленгизмов и неологизмов [Самойлова, 2022, с. 195], симплизация (упрощение дискурсивных практик), ювенилизация (распространение моды на следование молодёжным коммуникативным нормам) – эти и другие коммуникативные тренды способствуют привнесению в общение речевой агрессии. Следует отметить и становление онлайн дискурсов, виртуальных дискурсивных платформ и сообществ, восприимчивых к эпатажу и несерьёзности, способствующих трансформации коммуникации в тейнмент-дискурс (политейнмент, спортейнмент и т. д.), важным элементом которого, закономерно начинающим привлекать внимание учёных, является именно невежливость.

Невежливость активно исследуется в рамках политической лингвистики, в том числе с точки зрения функционального подхода [Алексеев, 2022]. Есть также работы, посвящённые использованию невежливости в политических текстах прошлого [Терещук, 2023], на наш взгляд, представляющие несомненную актуальность, побуждающие авторов обратить внимание на динамику и эволюцию невежливых практик.

«Невежливость» соотносится с терминологическими единицами как «инвектива» и «речевая агрессия». Вместе с тем категория «невежливость», будучи термином-гиперонимом, вбирающим в себя коннотации бестактности, непочтительности, невоспитанности, грубости и хамства, шире синонимичных понятий, как правило, тоже сложных, допускающих несколько толкований. Так, речевая агрессия, трактуемая в качестве враждебности в дискурсе или (в более узком смысле) – нарушения этикета, – является частным случаем невежливости, в основе которой лежит нанесение любого эмоционального или морального урона адресату. При этом универсальных критериев, позволяющих квалифицировать то или иное выражение в качестве невежливого / агрессивного в науке не представлено, что объясняется разноплановостью изучаемых явлений.

Невежливость – консубстанциональный термин, т.е. он используется как в профессиональных, так и в обыденных контекстах [Тимофеева, 2023, с. 145]. Учёный не может не принимать это во внимание, поскольку значения терминологических единиц имеют тенденцию пересекаться с общими представлениями о них [Mills, 2004, p. 1]. Как следствие, невежливость иногда изображается либо слишком простым, либо, напротив, сложным – ввиду его индивидуального восприятия – феноменом, в обоих случаях достаточно маргинальным и не требующим специального рассмотрения: критерием выделения невежливости и сопутствующих ей явлений по аналогии с бытовым общением признаётся интуитивно-субъективный фактор, не поддающийся категоризации, тем более в условиях становления «дискурса новой чувствительности» [Шустова, Шипицин, 2023, с. 205], когда, несмотря на то, что оскорбления становятся более социально приемлемыми, их действие становится менее предсказуемым и зачастую распространяется на целые группы населения. Так, любое неосторожно обронённое выражение в отношении вполне конкретной женщины, может быть апроприровано всеми женщинами, как в следующем примере, в котором политик использует сочетание слов *nasty woman*, изначально относившееся к Х. Клинтон:

Elizabeth WARREN: *I've got news for you, Donald Trump. Women have had it with guys like you. And **nasty women** have really had it with guys like you. Get this, Donald, **nasty women** are tough, **nasty women** are smart and **nasty women** vote. And on November the 8th we, **nasty women**, are gonna march our **nasty feet** to cast our nasty votes to get you out of our lives forever* (www.youtube.com/watch?v=-wKyCLOb0Eg). – ‘У меня для вас новости, Дональд Трамп. Женщинам надоели такие мужчины, как вы. И **противным женщинам** вы в особенности надоели. Поймите, Дональд **противные женщины** стойкие, **противные женщины** умные, и **противные женщины** голосуют. 8-го ноября мы, **противные женщины**, пойдем **противными ногами** и отдадим свои **противные голоса** за то, чтобы навсегда избавиться от вас’.

Определить, что такое невежливость, непросто, ведь исходить надо не из формальных исследовательских критериев, а из индивидуального восприятия коммуникантами того или иного высказывания. То, что со стороны может видаться явно невежливым, на самом деле, для общающихся таковым не является. Существует ряд дискурсивных сред, в которых поведение, традиционно считающееся невежливым, в действительности, не только не осуждается, но и поощряется или даже подразумевается. Примерами этому могут служить песенные дискурсы, допускающие эпатаж и использование криминальных подтекстов [Гриценко, 2023, с. 129], или дискурс

футбольных фанатов, инкорпорирующий громкую ругань и изобилующий обценными словами, выполняющими в нём катартическую (др.-греч. κάθαρσις 'очищение') функцию, а также способствующими единению болельщиков на эмоциональном уровне. Соответственно, коммуникативные действия футбольных фанатов в баре во время просмотра матча нельзя оценивать исходя из тех же критериев, что приложимы, к примеру, к ситуации драки в тихом жилом квартале [Culpeper, 2011, p. 22].

В целом, на наш взгляд, назрела необходимость отказаться от негативно-оценочной трактовки термина «невежливость», неизбежно возникающей не только в обыденно-языковом сознании, но и получающей развитие в ряде лингвистических направлений, прежде всего в лингвоэтике, эколлингвистике и эмотиологии, руководствующихся прескриптивистскими («как надо говорить») принципами. В основе лингвопрагматического подхода, напротив, лежит представление о дискурсе не только как о системе правил, устанавливаемых влиятельными социальными институтами и принимаемых дискурсивным сообществом, но и как о целеполагающей коммуникативной деятельности, избираемой в конечном итоге языковой личностью. По словам Л. Андерсона и П. Традгилла, «если то, что мы называем плохим языком, вело бы только к плохим последствиям, люди перестали бы использовать его, и в итоге он бы исчез» [Andersson, Trudgill, 1990, p. 8]. Широкую представленность невежливых форм в разных дискурсах – политическом, масс-медийном, спортивном и т. д. – необходимо объяснить.

Представляется уместным провести аналогию с другим весьма спорным, но актуальным понятием манипуляции, отнюдь не досконально изученным, часто трактуемым отрицательно, например в качестве некооперативной стратегии [Пищерская, 2023, с. 77]. Имеются, однако, работы, представляющие нейтрально-положительное видение манипуляции, неизбежно принадлежащей коммуникации, буквально пронизывающей такие дискурсы, как рекламный и политический [Шабалкина, 2020, с. 225; Mackensen, 1973, S. 96–97]. Введение в науку терминологической единицы «продуктивная манипуляция» [Седов, 2016, с. 127] способно изменить представление учёных о манипуляции в целом.

В области изучения невежливости важным шагом было принятие исследователями термина «лицо», заимствованного из восточных культур, прежде всего китайской, где понятие лица – одно из центральных [Стародубцева, 2023, с. 143]. Лицо – это позитивный образ себя и одновременно видение личности обществом; причём речь идёт даже не столько о специфичном взгляде на личность, сколько о восприятии той социальной группы, к которой она принадлежит, через призму этой личности. Исходя из этого, Дж. Калпепер предлагает различать три вида лица: лицо качеств, лицо социальной идентичности и лицо отношений. Невежливость неизбежно возникает в случае, если один из собеседников нападает на лицо другого.

Лицо качеств (англ. *quality face*) – вера индивида в то, что он обладает положительными характеристиками (привлекательной внешностью, умом и т. д.), соотносимыми с его самооценкой. В следующем примере, заимствуемым нами из работы Дж. Калпепера, наблюдаем, что один из коммуникантов с помощью риторического вопроса ставит под сомнение умение своего друга выбирать приличную одежду, чем вызывает смущение последнего, провоцируя его на ответную невежливую реплику:

Мэт: *Ты же не собираешься идти на улицу в этом?*

Я [смущённо]: *Слушай, заткнись ты! ...* [Culpeper, 2011, p. 28].

Лицо социальной идентичности (англ. *social identity face*) предполагает отождествление личностью себя с определённой группой людей. Это могут быть маленькие и большие группы, формируемые на основании этнической, национальной и религиозной принадлежности. Во фрагменте речи, приведённом Калпепером, один из коммуникантов рассказывает о том, как он был задет, когда его товарищ нелестно отозвался о вегетари-

анцах: ...один из игроков моей команды попытался отобрать у кого-то мяч. Игрок, владевший мячом, упал на землю, чтобы избежать столкновения. Мой товарищ затем вернулся ко мне и начал ныть: «Это из-за того, что он ... вегетарианец». Я ответил: «Я вегетарианец» [Culpeper, 2011, p. 29].

Лицо отношений (англ. *relational face*) – претензия личности на социальный статус и вытекающее из него уважение [Culpeper, 2011, p. 30]. В этой связи поставить под сомнение чьё-либо звание или отказаться признать общепризнанного лидера группы в качестве такового является, несомненно, невежливым поведением, нападением на лицо отношений. Использование формы «ты» вместо «вы» – в тех языках, в которых это различие существует, – также может служить примером нападения на лицо отношений.

В определённых контекстах нападение на лицо отношений правильно квалифицировать хамством, но оно может представлять собой и нечто большее. Невежливость, направленная на коммуниканта, наделённого высоким социальным статусом, это неприятие его власти – в фукианском понимании термина «власть». Иными словами, это попытка индивида либо кардинальным образом пересмотреть существующие властные иерархии в дискурсе, либо, как минимум, борьба за привлечение внимания (нем. *Aufmerksamkeitskampf*) к своей личности и внушение уважения к себе [Janich, 2012, S. 6 ; Mills, 2004, p. 37]. В политическом же дискурсе нападение на лицо отношений – средство диверсии: невежливость способна выполнять, по сути, революционные функции [McEneaney, 2009, p. 124].

Настоящее исследование ставит целью описание невежливости как нападения на лицо и смежных с ней явлений – дискредитации и речевой агрессии – в политическом дискурсе. Задачами исследования являются: нахождение случаев использования нападения на лицо в избранном языковом материале; лингво-прагматический и стилистический анализ выявленных элементов, соотнесённый с положениями дискурсивной лингвистики; классификация невежливых речений; подведение итогов.

2. Эксперимент [Experiment]

2.1. Материал и методика исследования [Material and methods]

М а т е р и а л о м для исследования послужили более 400 невежливых контекстов, выявленных в дискурсе американских президентских дебатов 2020 г., проводимых между Дж. Байденом и Б. Сандерсом (11-ые демократические дебаты 2020 г.), и Д. Трампом и Дж. Байденом (1-ые дебаты 2020 г.). Выбор для анализа текстов этих дебатов объясняется актуальностью рассмотрения использования невежливости как между однопартийцами, так и между представителями разных политических движений, по определению имеющими значительные идеологические расхождения.

Под дискурсом условимся понимать «корпус текстов, объединённых тематически, обнаруживающих эксплицитные и имплицитные интертекстуальные связи и ограниченных сферой коммуникации, функционально-целевыми характеристиками и определённым отрезком времени» [Кондакова, Принципалова, 2021, с. 144]. Одновременно примем во внимание и то, что дискурсы, по словам М. Фуко, это «практики, систематически формирующие объекты, о которых они говорят» [Foucault, 1972, p. 49]. Точка зрения, согласно которой дискурс является не просто социально регулируемым, но и способным оказывать непосредственное воздействие на социальные процессы, значительно расширяет сферу дискурсивного анализа, указывая на важность экстралингвистических аспектов дискурсивной деятельности, соотносясь с таким научным направлением, как социальный конструкционизм, в рамках лингвистики находящим применение в критических дискурсивных исследованиях (КДИ), идеологически фундированных, осуждающих негативные коммуникативные явления, направленные против меньшинств, объединяемые терминами ‘bad language’ (рус. досл. *плохой язык*) или ‘hate speech’ (рус. *риторика ненависти*).

Хотя невежливость считается проявлением «плохого языка», отношение к ней социума в связи с демократизацией общения претерпевает изменение в лучшую сторону. Для изучения невежливости учёные обращаются к методологическому инструментарию лингвистики и смежных гуманитарных наук. В статье используется метод дискурс-анализа – в его кратологической (др-греч. *κράτος* 'власть') версии, заимствуемой из КДИ с их пристальным вниманием к социальным и политическим вопросам. Наряду с дискурс-анализом применяются лингвопрагматический анализ и лингвополитическая интерпретация, позволяющие подойти к употреблению невежливости как осознанному выбору коммуникантов, а не только эмоциональной реакции, сделав акцент на лингвокреативности языковых личностей, прибегающих к невежливости. Для установления и уточнения значения и коннотаций тех или иных лексем с целью их категоризации как невежливых употребляются контекстуальный и содержательно-семантический виды анализа.

Полученные данные представлены не только в качественном, но и в количественном выражении, что соответствует тенденциям развития современной лингвистики, делающей выбор в пользу изучения коммуникативных явлений с привлечением количественных методов исследования. Актуализируются в работе, конечно же, и общенаучные методы – наблюдение, сравнение, классификация.

2.2. Обсуждение результатов [Results and discussion]

Невежливость и дискредитация – в отличие от невежливости и речевой агрессии, – на самом деле, не всегда соприкасаются, как, например в (1):

(1)

БИДЕН: *And with all due respect for Medicare for all, you have a single-payer system in Italy. It doesn't work there. It has nothing to do with Medicare for all* (<https://www.rev.com/blog/transcripts/march-democratic-debate-transcript-joe-biden-bernie-sanders>). – 'И при всём уважении к правительственной программе медицинской помощи для всех, в Италии она не работает. Вопрос не в правительственной программе'.

САНДЕРС: *And bottom line here is, in terms of Medicare for all, despite what the vice president is saying, what the experts tell us is that...* (Ibid.). – 'И самое важное в отношении правительственной программы, **что бы ни говорил вице-президент, эксперты говорят нам...**'.

Кандидаты в президенты не соглашаются друг с другом (нарушение максимы согласия), но в первом примере это делается без обращения к речевой агрессии. Напротив, Дж. Байден использует выражение *with all due respect for*, – что является вербализацией формы уважения к позиции, занимаемой соперником, тем не менее критикуемой.

В словах Б. Сандерса уже наблюдается определённое нападение на лицо качеств противника отмечающего, что точки зрения вице-президента и экспертов – разнятся. Это заведомо предполагает, что Дж. Байден не прав. Более того, анализируемая реплика может быть понята и как передающая идею о том, что Дж. Байден не осведомлён в вопросах здравоохранения и не является экспертом в этой области.

Для передачи не прямой, имплицитной речевой агрессии общающиеся могут воспользоваться иронией, как в (2–4):

(2) (<https://www.debates.org/voter-education/debate-transcripts/september-29-2020-debate-transcript/>)

ТРАМП: *Because they [Republicans] want to give good healthcare...* – 'ТРАМП: Потому что [республиканцы] хотят обеспечить достойное здравоохранение'.

БИДЕН: *Good healthcare* – 'БАЙДЕН: **Достойное здравоохранение**'. Здесь имеет место нападение на лицо социальной идентичности. Говорящий в корне не согласен с позицией, занимаемой Д. Трампом по вопросу здравоохранения, но по формальным признакам мы имеем дело с речевой агрессией в отношении сторонников президента, –

ведь в предыдущей реплике Д. Трамп ведёт речь даже не столько о своей точке зрения, сколько о мнении, разделяемом его электоратом.

(3) (Ibid.)

TRUMP: *We've had no negative effect* – ‘ТРАМП: Наши действия не привели к негативным последствиям’.

VIDEN: *No negative effect. Come on* – ‘БАЙДЕН: *Не привели к негативным последствиям. Рассказывайте*’. Здесь реализуется нападение на лицо социальной идентичности. Поскольку в предыдущей реплике Д. Трамп использует местоимение *we*, ирония направлена против всей администрации президента, дискредитируемой на основании того, что решения, принятые ей, имели серьёзные негативные последствия.

(4) (Ibid.)

TRUMP: *I got it done. And you know what happened?* – ‘ТРАМП: Я сделал это. И знаете, что произошло?’

VIDEN: *Yeah, you got it done* – ‘БАЙДЕН: *Ну да, вы сделали это*’.

Как видно, ирония может вводиться в дискурс с помощью специальных маркеров – междометий или фразового глагола *come on*, выражающего недоверие к высказанной точке зрения. Ирония включает цитирование слов кандидата – с соответствующей интонацией, передающей недоверие к ним. В ряде контекстов ирония фактически превращается в сарказм, как в (5):

(5) (Ibid.)

WALLACE: ... *The issue of race. Vice-President Biden, you say that President Trump's response to the violence in Charlottesville three years ago, when he talked about very fine people on both sides, was what directly led you to launch this run for president* – ‘УОЛЛЕС: ... Тема расы. Вице-президент, вы говорите, что ответ президента Трампа на насилие в Шарлотсвилле 3 года назад, когда он вёл речь о прекрасных людях по обеим сторонам баррикад, непосредственно мотивировал вас начать президентскую кампанию.

TRUMP: *Oh yeah, sure* – ‘ТРАМП: *О да, конечно*’.

Перед нами нападение на лицо качеств. Эту фразу Д. Трампа можно понимать как своего рода обвинение Дж. Байдена в неискренности или даже расизме, ведь модератор дебатов обращается к теме расы.

К косвенным проявлениям речевой агрессии следует отнести использование политиком риторических вопросов, как в (6–7), где мы видим нападение на лицо качеств:

(6) (Ibid.)

VIDEN: ... *I got very lucky. I'm going to get very lucky tonight as well* – ‘БАЙДЕН: ... Мне очень повезло. Мне повезет и сегодня вечером’.

TRUMP: *With what?* – ‘ТРАМП: *За счёт чего повезёт?*’

VIDEN: *And tonight I'm going to make sure* – ‘БАЙДЕН: И сегодня вечером я намерен победить’.

TRUMP: *With what?* – ‘ТРАМП: *За счёт чего?*’

(7) (Ibid.)

VIDEN: ... *Vote and let your Senators know how strongly you feel* – ‘БАЙДЕН: Голосуйте, дайте знать вашим сенаторам, что вы думаете’.

TRUMP: *Are you going to pack the court?* – ‘ТРАМП: *Вы собираетесь протасовать своих людей в Верховный суд?*’

VIDEN: *Vote now* – ‘БАЙДЕН: Голосуйте сейчас’.

TRUMP: *Are you going to pack the court?* – ‘ТРАМП: *Вы собираетесь протасовать своих людей?*’

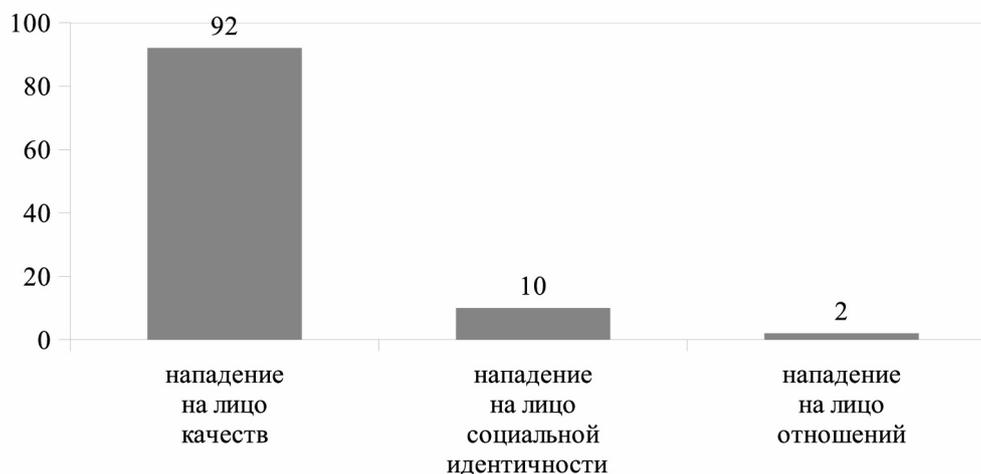
Невежливость возникает в результате актуализации говорящими моральных наставлений, а также язвительных, колких замечаний, как в (8) – аналогично, нападение на лицо качеств:

(8)

TRUMP: *Chris, can I be honest? It's a very important question-* – ‘ТРАМП: Крис, можно я отвечу честно? Это очень важный вопрос-’

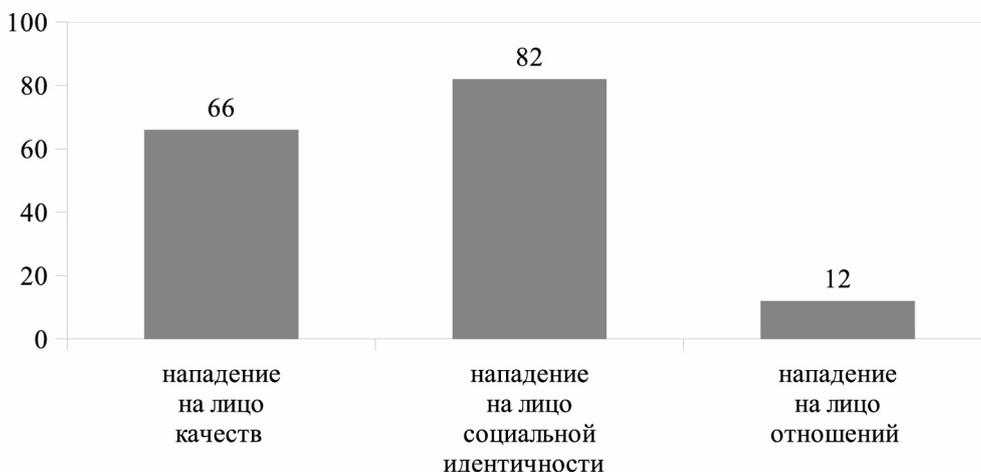
BIDEN: *Try to be honest* (Ibid.) – ‘БАЙДЕН: *Попробуйте ответить честно*’.

Анализ речевых образцов Дж. Байдена выявил немалое количество случаев использования невежливости. Классификация найденных проявлений невежливости с применением термина «лицо» даёт следующие результаты (см. рис. 1–2):

Р и с у н о к 1 . Нападения на лицо Дж. Байденом
(1-ые президентские дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 1 . Face attacks by J. Biden (1st presidential debates of 2020)]

Р и с у н о к 2 . Нападения на лицо Д. Трампом
(1-ые президентские дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 2 . Face attacks by D. Trump (1st presidential debates of 2020)]

Как видно, часто используемой разновидностью невежливости в политическом дискурсе является нападение на лицо качеств соперника. Однако многое зависит и от лингвопрагматической установки, которой руководствуется кандидат: очевидно, что для Дж. Байдена в 2020 г. важно было донести до избирателя мысль, что именно Д. Трамп – и никто другой – повинен в распространении коронавируса. Неслучайно, что местоимение *he* стало центральным в дискурсе лидера демократов. В реплике, приводимой ниже, Дж. Байден употребил местоимение *he* 9 раз, вынеся его в начало предложений, – таким образом оно приняло форму анафоры:

(9) BIDEN: *He sends out wishful thinking. He has Executive Orders that have no power. He hasn't lowered drug costs for anybody. He's been promising a healthcare plan since he got elected. He has none, like almost everything else he talks about. He does not have a plan. He doesn't have a plan. And the fact is this man doesn't know what he's talking about!* (Ibid.). – ‘БАЙДЕН: **Он** выдаёт желаемое за действительное. **Он** издаёт исполнительные указания, которые не имеют никакого веса. **Он** ни для кого не уменьшил цены на лекарства. **Он** обещал план реформирования здравоохранения с самого момента своего избрания. **У него** ничего нет, как всегда, о чём бы он ни говорил. **У него** нет плана. **У него** нет плана. Ясно, что этот человек не знает, о чём **он** говорит’.

Обратим внимание на повторение основных идей в речи демократа. Предложения, произносимые говорящим, короткие, по возможности – предельно простые для восприятия адресата. С этой целью, в частности, применяются параллельные конструкции.

Президент, будучи вынужденным защищаться, делал акцент на том, что он работает в команде – вместе со своей администрацией, ведущими вирусологами, учёными. В (10) инклюзивное местоимение *мы* в ответ на дискредитацию передаёт этот пласт смысла:

(10)

BIDEN: *He has no plan for healthcare* – ‘БАЙДЕН: **У него** нет плана реформирования здравоохранения’.

TRUMP: *Of course, we do* (Ibid.) – ‘ТРАМП: **У нас** есть, конечно же, план’.

Нападения на лицо социальной идентичности в речи Дж. Байдена встречаются нам нечасто. В ряде случаев они совмещаются с атакой на лицо качеств противника, как в (11) (Ibid.):

(11) BIDEN: *Nancy Pelosi and Schumer, they have a plan. He won't even meet with them. The Republicans won't meet in the Senate ...* – ‘Нэнси Пелоси и Шумер, у них есть план. Он даже с ними не желает встретиться. **Республиканцы не желают встретиться в Сенате ...**’.

Нападения на лицо отношений для институционального политического дискурса в принципе нехарактерны. В речи Дж. Байдена нам встретилось разве что только 2 случая, которые можно интерпретировать в этом качестве:

(12) (Ibid.)

TRUMP: *Are you in favor of law and order?* – ‘ТРАМП: Вы поддерживаете закон и порядок?’

BIDEN: *I'm in favor of law. You follow a little bit of order-* (Ibid.). – ‘БАЙДЕН: Я поддерживаю закон. **Вы иногда соблюдаете порядок**’.

Выделенная фраза – это дискредитация Д. Трампа на основании того, что он не умеет себя вести. Повелительное наклонение анализируемой реплики, а также исполнение кандидатом ролей моралиста и модератора общения позволяют говорить о том, что Дж. Байден «осаждаёт» своего конкурента. Это предложение уместно в педагогической коммуникации – между учителем и учеником, – но здесь должно трактоваться невежливый. Ещё пример нападения на лицо отношений содержится в (13) (Ibid.):

(13) BIDEN: *I'm not going to listen to him. ...* – ‘Я не собираюсь его слушать’.

Характер употребления невежливости и речевой агрессии Д. Трампом отличается от того, что мы имеем возможность наблюдать в дискурсе Дж. Байдена. Во-первых, в этой связи необходимо констатировать, что лидер Республиканской партии зачастую отдаёт предпочтение нападению на лицо социальной идентичности – отнюдь даже не на лицо качеств. Так, в ходе дебатов политик неоднократно выдвигает обвинения в отношении семьи вице-президента и в особенности его сына, как, например, в (14) (Ibid.):

¹ В целях избежать перегрузки данными мы считали такие реплики в качестве единичного проявления невежливости, хотя, по идее, каждое предложение говорящего – это очередное нападение на лицо качеств Д. Трампа, иногда даже дублируемое (He does not have a plan. He doesn't have a plan.).

(14) TRUMP: ...*And no wonder your son goes in and, wha–, he takes out billions of dollars. He takes out billions of dollars to manage. He makes millions of dollars. And also, while we're at it, why is it just out of curiosity, the mayor of Moscow's wife gave your son three and a half million dollars?* (Ibid.) – ‘...Неудивительно, что *ваш сын приезжает*, и что – *он забирает миллиарды долларов. Он забирает миллиарды долларов. Он зарабатывает миллионы долларов.* И пока мы остановились на этом, просто из-за любопытства – вопрос: *почему жена мэра Москвы подарила вашему сыну три с половиной миллиона долларов?*’

Повторяя основную мысль несколько раз, применяя параллельные конструкции, значительно преувеличивая масштабы «взятки», задавая в конце риторический вопрос, обращённый к противнику, говорящий оказывает на последнего эмоциональное давление.

Подчеркнём, что если в дискурсе Дж. Байдена местоимение *he* почти всегда относится к лидеру республиканцев, то в речи Д. Трампа – значительно больше вариаций, что связано с объектом нападения – это не только его непосредственный соперник, но и, например, Б. Сандерс:

(15) (Ibid.)

TRUMP: *You just lost the left. You agreed with Bernie Sanders on a plan that you absolutely agreed to and under that plan ..., they call it socialized medicine. ...* – ‘ТРАМП: *Вы только что потеряли левых.* Вы согласились с *Берни Сандерсом* о принятии плана, который вы безоговорочно поддержали, И по этому плану ... *они называют это социализированной медициной*’.

BIDEN: *I'll tell you what, he is not for any help for people needing healthcare. –* ‘БАЙДЕН: Я вам так скажу, он не намерен помогать людям, нуждающимся в медицинской помощи’.

TRUMP: *Who is, Bernie?* – ‘ТРАМП: *Кто не намерен? Берни?*’

BIDEN: *Because he, in fact, already has cost 10 million people their healthcare that they had from their employers...* (Ibid.). – ‘БАЙДЕН: Потому что он, на самом деле, уже лишил 10 миллионов людей здравоохранения, гарантированного им работодателями...’.

Президент дискредитирует своего оппонента на основании его связи с якобы радикально настроенными левыми, предлагающими ввести бесплатную медицину. В диалоге, помимо прочего, используется острота – актуализируется неопределённость местоимения *he*, которое Д. Трамп с помощью уточняющего вопроса предлагает отнести не к себе, а к Б. Сандерсу. Дж. Байден игнорирует эту провокацию и продолжает серию нападений на лицо качеств республиканца.

Отметим также, что предложение *You just lost the left* – это вызов лицу отношений: президент отказывается принять, что демократы объединились вокруг личности Дж. Байдена, признав его лидером своей партии. Эта линия атаки особенно очевидна в (16):

(16) (Ibid.)

TRUMP: *That's not what you've said and it's not what your party is saying –* ‘ТРАМП: Это не то, что вы говорили, и *не то, что говорит ваша партия*’.

BIDEN: *That is simply a lie –* ‘БАЙДЕН: Вы просто лжёте’.

TRUMP: *Your party doesn't say it. Your party wants to go socialist medicine and socialist healthcare –* ‘ТРАМП: *Ваша партия не говорит об этом. Ваша партия хочет ввести медицину и здравоохранение, как в социалистических странах*’.

BIDEN: *The party is me. Right now, I am the Democratic Party –* ‘БАЙДЕН: Партия – это я. Сейчас я представляю Демократическую партию’.

TRUMP: *And they're going to dominate you, Joe. You know that –* ‘ТРАМП: *И вы будете плясать под дудку вашей партии, Джо.* И вы знаете это’.

BIDEN: *I am the Democratic Party right now –* ‘БАЙДЕН: Партия – это сейчас я’.

TRUMP: *Not according to Harris –* ‘ТРАМП: *Харрис так не считает*’.

Анализируемый диалог хорошо демонстрирует, что в реальном общении нападения на различные виды лица, на самом деле, совмещаются. Так, с одной стороны, Д. Трамп дискредитирует противника на основании того, что он принадлежит партии социалистов, но с другой стороны, президент отказывается признавать Дж. Байдена лидером демократов – при том, что тот представляет себя именно в таком свете. Это явное непризнание лица отношений.

В целом необходимо констатировать, что 1-ые президентские дебаты 2020 г. отличались особенной агональностью и конфликтогенностью, что проявлялось и в употреблении кандидатами инвектив и диффамирующих ярлыков, несвойственных для институциональной политической практики, как в (17) и (18) (Ibid.):

(17)

BIDEN: *Well, it's hard to get any word in with this clown. Excuse me, this person –* ‘Ну, с этим **клоуном** трудно вставить слово. Извините, с этим человеком’ (Обзывание противника клоуном – инвектива, нападение на лицо качеств. Даже последовавшее извинение, на самом деле, не меняет сути дела, поскольку обращено не к Д. Трампу, а скорее, к аудитории).

TRUMP: *If Pocahontas would have left two days early you would have lost every primary* (Ibid.) – ‘Если бы **Покахонтас** выбыла на 2 дня раньше, **вы бы проиграли каждый праймериз**’.

(18) TRUMP: *But you agree. Joe, you're the liar. You graduated last in your class not first in your class* – ‘Но вы, Джо, согласны. **Вы лжец. Вы были последним учеником в вашем классе, не первым учеником**’.

Прежде всего в (17) реализуется нападение на лицо отношений – фактически отказ признавать Дж. Байдена заслуженным номинантом Демократической партии США. Также имеет место нападение на лицо качеств – по отношению к сенатору Э. Уоррен, к которой и обращён диффамирующий ярлык «Покахонтас», намекающий на индейские корни политика). В (18) с помощью антитезы Д. Трамп оскорбляет Дж. Байдена, перед этим дискредитируя его позицию, поскольку «он лжёт».

Для дискредитации и инвектив могут употребляться прилагательные в превосходной степени, как в (19) (Ibid.):

(19) BIDEN: *You're the worst president America has ever had. Come on* – ‘Вы **самый худший** президент, которого Америка только знала. Признайте это’.

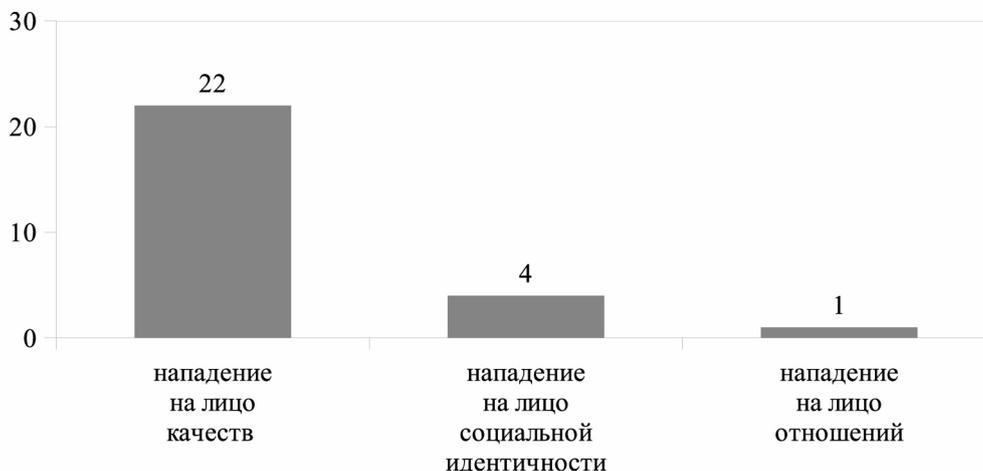
Данные, полученные в ходе анализа 11-ых демократических дебатов контрастируют с употреблением невежливости в только что рассмотренном материале: не только Дж. Байден и Б. Сандерс используют значительно меньше элементов невежливости, но и зачастую объектом их коммуникативного нападения является Д. Трамп:

(20) SANDERS: *Well, firstly, we have to do – whether or not I'm president, is to shut this president up right now, because he is undermining the doctors and the scientists who are trying to help the American people. It is unacceptable for him to be blabbering with unfactual information, which is confusing the general public* (<https://www.rev.com/blog/transcripts/march-democratic-debate-transcript-joe-biden-bernie-sanders>) – ‘Ну, первое что мы должны сделать – не важно я президент или нет – это **заставить замолчать сегодняшнего президента**, потому что **он подрывает доверие к врачам и учёным**, старающимся помочь американским гражданам. **Недопустимо, чтобы он чесал языком и распространял неточную информацию, которая запутывает людей**’.

Дискредитация президента осуществляется эксплицитно. То, что это так, показывает анализ лексики, подбираемой сенатором: в частности, политик употребляет выражение *shut up*, а манеру говорения соперника он называет «пустой болтовнёй».

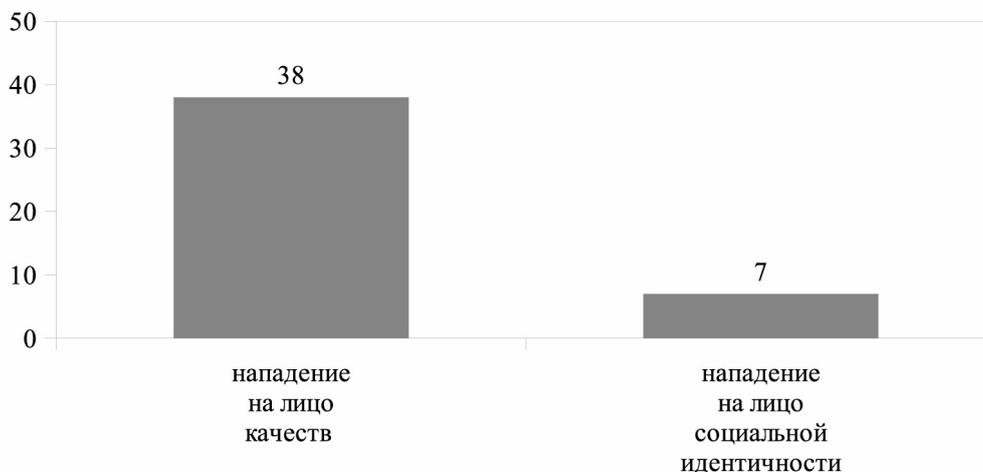
Невежливость, актуализированная в отношении идеологического противника, участникам дебатов не может принести никакого вреда – это свидетельствует о разно-

направленности невежливых дискурсивных практик, которые иногда могут быть охарактеризованы как таковые лишь с позиции стороннего наблюдателя. Вместе с тем нельзя сказать, что в 11-х демократических дебатах отсутствуют элементы речевой агрессии. Не учитывая невежливость, употреблённую, когда речь заходит о Д. Трампе и третьих лицах, представим использование элементов невежливости следующим образом (см. рис. 3–4):

Р и с у н о к 3 . Нападения на лицо Дж. Байденом
(11-ые демократические дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 3 . Face attacks by J. Biden (11th presidential debates of 2020)]

Р и с у н о к 4 . Нападения на лицо Б. Сандерсом
(11-ые демократические дебаты 2020 г.)

[F i g u r e 4 . Face attacks by B. Sanders (11th presidential debates of 2020)]

С целью дискредитации соперника Б. Сандерс активно пользовался (риторическими) вопросами, напр. см. (21) (Ibid.):

(21)

SANDERS: ... – *you were not a fan of Bowles-Simpson?* – ‘САНДЕРС: ... – *Вы не поддерживали Боулза-Симпсона?*’

BIDEN: *I was not a fan of Bowles ...* – ‘БАЙДЕН: Я не был большим поклонником Боулза ...’

²Метонимия (имеется в виду – план Боулза-Симпсона). Термин ‘Bowles-Simpson’ означает комиссию, созданную в 2010 г. для решения фискальных вопросов, в частности сокращения внешнего долга США, возглавленную Э. Симпсом и Э. Боулзом.

SANDERS: *You're an honest guy. Why don't you just tell the truth here? We all make mistakes* – ‘САНДЕРС: Вы честный человек. *Почему вы не скажете правду? Мы все совершаем ошибки*’.

BIDEN: *No, I am telling the truth* – ‘БАЙДЕН: Нет, я говорю правду’.

Обратим внимание, что несмотря на дискредитирующий характер слов, произносимых Б. Сандерсом, в них есть и комплимент Дж. Байдену, а также признание, что, хоть вице-президент и совершил ошибку, это не критично: людям свойственно заблуждаться – главное признать свою неправоту. Такое смешение дискредитации и вежливости характерно для политической коммуникации. То, что подобного рода высказывания фактически отсутствуют в дебатах между Д. Трампом и Дж. Байденом свидетельствует в пользу особой инвектогенности общения между ними, вызванной идеологическими разногласиями и непримиримостью позиций.

Для дискредитации было также использовано сослагательное наклонение (Ibid.):

(22) SANDERS: *Well, this is kind of circular logic. We're going to reform the bill that I voted for. Well, if you hadn't voted for it, and if you had rallied other people, as I tried to do in the House voting against it, we might not have the problems with it we have today* – ‘Ну это *круговая логика*. Мы реформируем закон, за который я голосовал. *Если бы вы не голосовали за него, если бы вы объединили людей, как я старался это сделать, голосуя в Сенате против этого закона, может быть, у нас бы не было таких проблем, с которыми мы столкнулись*’. Имеет место нападение на лицо качеств.

Кандидаты иногда сравнивали не только свои точки зрения на разные вопросы, но и черты характера, как в (23) (Ibid.):

(23) SANDERS: *I think one of the differences, not to, you know, pick a bone here, is I have been consistent. All right? I have always believed in that. And you have not. I'm glad you have changed your views* – ‘Я думаю, что главное отличие между нами – и я говорю это здесь не с целью поссориться – я всегда был последовательным. Так? Я всегда в это верил. *А вы – нет*. Я рад, что вы меняли свои взгляды’. Вновь реализуется нападение на лицо качеств.

Отметим, что, вопреки дискредитирующей тональности реплики Б. Сандерса, в ней есть указание на то, что говорящий, на самом деле, стремится избежать конфликта (с этой целью им используется фразеологизм *not to pick a bone with*). Более того, сенатор выражает свою поддержку вице-президенту, в связи с тем, что он изменил свое мнение.

Нападение на лицо социальной идентичности вербализуется в (24) и (25) (Ibid.):

BIDEN: *And by the way, right after his vote against that, he went on the Lou Dobbs show and continued the canard that they're taking jobs, these immigrants are taking jobs from Americans, which is one of the Republican canards...* – ‘И, кстати, сразу же после голосования против, он появился на шоу Лу Добза и продолжил распространять слухи, что эти иммигранты забирают работу от американцев – *слухи, поддерживаемые республиканцами...*’.

Дж. Байден не просто подвергает сомнению личные качества своего соперника, что, несомненно, в приведённой тираде тоже присутствует, но и подчёркивает, что позиция сенатора была созвучна республиканской, что предполагает её ошибочность.

Б. Сандерс, в свою очередь, выразил мысль, что вице-президент связан с интересами большого бизнеса. С этой целью политик активно использовал риторические вопросы, параллельные конструкции, а также повторения ключевой мысли, в (26) принимающие форму эпифоры (Ibid.):

(26) SANDERS: *The trick is, do we have the guts to take on the health care industry, some of which is funding the vice president's campaign? Do we have the courage to take on the executives at the prescription drug industry, some of which – some of whom are funding his campaign?* – ‘Суть в том, хватит ли у нас мужества *бросить вызов фармацевтическим компаниям, некоторые из которых финансируют кампанию вице-президента?*

Есть ли у нас смелость *бросить вызов генеральным директорам, некоторые из которых финансируют его кампанию?*'.

Нападения на лицо отношений встречаются редко. В дебатах между Дж. Байденом и Б. Сандерсом можно встретить лишь один эпизод, который, на наш взгляд, допустимо трактовать с применением соответствующей терминологии (Ibid.):

(27)

BIDEN: *...look what's happened in Mississippi. Look what's happened in North Carolina. Look what's happened in Washington state. Look what's happened across the board. Why is it that I'm I winning all those places? What's the reason? What's the reason? ...I am winning – not just winning, but overwhelmingly winning. Not even close in these places. And ...* – 'БАЙДЕН: ...посмотрите, что произошло в Миссисипи. Посмотрите, что произошло в Северной Каролине. Посмотрите, что произошло в штате «Вашингтон». Посмотрите, что произошло повсюду. Почему я выигрываю во всех этих местах? В чём причина? В чём причина? ...*Я побеждаю – не просто побеждаю, но побеждаю с решающим перевесом. Даже не близко в этих местах. И...*'

SANDERS: *Well, you didn't quite win...* – 'САНДЕРС: *Ну, вы ещё не совсем победили...*'.

Дж. Байден, представляя себя победителем, косвенно компрометирует кампанию Б. Сандерса. При этом разрыв между кандидатами обозначен прямо – *Даже не близко в этих местах*. Сенатор не соглашается, конечно же, с такой позицией и отмечает, что исход выборов ещё не предрешён.

3. Заключение [Conclusion]

Невежливость – сложное, неоднозначное понятие, подверженное различным интерпретациям, не всегда поддающееся квантитативному анализу, неудобное для изучения также с позиции этики, а поэтому долгое время не привлекавшее внимание лингвистов, что, безусловно, не только обедняло эспланаторный потенциал науки о языке, но и порой вообще не позволяло рассмотреть многие дискурсивные среды, в которых невежливость, актуализированная в том или ином её виде, служит системообразующим компонентом.

В статье было предложено видение невежливости как явления, соотносённого с влиятельной концепцией лица, предполагающей, что невежливость возникает в результате избрания говорящим ликоугрожающих (англ. *face-threatening*) речевых актов. Анализ невежливости в дискурсе американских политических дебатов 2020 г. показал, что частой разновидностью невежливости, актуализируемой в политическом дискурсе, была дискредитация лица качеств. Это объясняется необходимостью подвергнуть сомнению рациональность действий и мнений соперника.

С другой стороны, личность противника может быть серьёзно оскорблена в результате разоблачения его связей с коррумпированными, ненадёжными, безответственными и т. д. людьми, будь то члены его семьи, партии или имеющие хоть малейшую ассоциацию с ним. Этим объясняется эффективность нападения на лицо социальной идентичности, по всей видимости, предпочитаемая некоторыми менее конвенциональными или вовсе непрофессиональными политиками, готовыми делать объектами своих речевых атак даже не столько идеологического оппонента, сколько, к примеру, его супругу, детей, друзей и товарищей, что неизбежно усиливает атональность и инвектогенность общения.

Нестандартной невежливой дискурсивной практикой, пока относительно редко используемой в официальной политической коммуникации, является дискредитация лица отношений, представляющая собой вызов тому или иному государственному деятелю, отказ признать не только его заслуги, но и зачастую позицию, удерживаемую им в рамках политических институтов и общества.

Подчеркнём, что традиционно в рамках политического общения, предполагающего как минимум некоторую степень уважения и к оппоненту, и к людям, ассоциирующим себя с ним, несвойственно прибегать к инвективам. Тем более, казалось бы, не допускается ставить под сомнение социальный статус политических агентов. Обнаружение достаточно большого количества примеров нападения на лицо социальной идентичности и даже на лицо отношений в речи некоторых кандидатов свидетельствует в пользу персонализации, лудизации и агрессивизации политической повестки, становящейся менее профессиональной, основывающейся главным образом на полемике с противником.

Дальнейшее изучение невежливости на материале различных – не только политического – дискурсов призвано, во-первых, показать, что невежливость не менее, а зачастую даже более распространённое явление, чем вежливость. Во-вторых, не вызывает сомнения, что невежливость не ограничена концепцией лица и может быть сочленена и с другими понятиями, подробное изложение которых не входило в задачи настоящего исследования, но может послужить вектором последующих изысканий.

Библиографический список

- Алексеев, 2022 – Алексеев А. Б. О функциях невежливости в политическом дискурсе // Вестник МГПУ. Сер. : Филология. Теория языка. Языковое образование. 2022. № 3 (47). С. 118–129. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>
- Алексеев, 2023 – Алексеев А. Б. Агрессивизация и лудизация политического дискурса в свете изучения политейнмента // Вестник МГПУ. Сер.: Филология. Теория языка. Языковое образование. 2023. № 4 (52). С. 170–185. <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>
- Бодулева, и др., 2023 – Бодулева А. Р., Дмитриева Д. Ю., Салина А. С. Дисфемизмы как средство языковой манипуляции в медиа пространстве (на материале англоязычных статей) // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 20–29.
- Гриценко, 2023 – Гриценко С. А. «Ярко, ярко горят»: психопатологические мотивы в любовной лирике «Элизиум» // Романовские чтения – 16 : сб. ст. Междунар. науч. конф., Могилев, 24 ноября 2022 г. / под ред. А. С. Мельниковой, Е. И. Головач. Могилев : МГУ им. А. А. Кулешова, 2023. С. 129–130.
- Кондакова, Принципалова, 2021 – Кондакова Е. А., Принципалова О. В. Лингвокогнитивная структура немецкого дискурса о политкорректности: история и современность // Вестник НГУ. Сер.: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2021. Т. 19, № 2. С. 143–156. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>
- Мальцева, 2022 – Мальцева И. А. Спортивный медиадискурс: традиции и инновации. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. 169 с.
- Пак, 2022 – Пак Л. Е. Дискурс спортивного комментария на английском и русском языках: лексические особенности // Территория новых возможностей. Вестник Владивостокского гос. ун-та. 2022. Т. 14, № 4. С. 210–218. <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-4/210-218>
- Пищерская, 2023 – Пищерская Е. Н. Вербальные средства реализации коммуникативных стратегий в текстах англоязычной наружной рекламы // Филология. Научные исследования. 2023. № 4. С. 73–83. <https://doi.org/10.7256/2454-0749.2023.4.40117>
- Салимова, 2023 – Салимова Э. Т. Языковая игра как средство манипулирования сознанием в предвыборном политическом дискурсе // Педагогика, психология, общество: от теории к практике : материалы II Всерос. науч.-практ. конф. с междунар. участ. (Чебоксары, 18 июля 2023 г.) / гл. ред. Ж. В. Мурзина. Чебоксары : Изд. дом «Среда», 2023. С. 39–44.
- Самойлова, 2022 – Самойлова А. В. Лингвопрагматика англоязычных политических неологизмов // Язык и социум: динамика взаимоотношений / под ред. В. В. Катерминой. Краснодар : Кубанский гос. ун-т, 2022. С. 194–212.
- Селиванова, 2023 – Селиванова И. В. Стратегии удержания власти в публичном дискурсе испанской монархии // Вестник НГУ. Сер. : Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2023. Т. 21, № 3. С. 45–57. <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57>

- Стародубцева, 2023 – Стародубцева Н. С. Концепт ЛИЦО в языковой картине мира китайской молодёжи // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 2. С. 143–151.
- Терещук, 2023 – Терещук А. А. Языковые особенности освещения первой карлистской войны в Испании российской прессой // Вестник Удмуртского ун-та. Сер. История и филология. 2023. Т. 33, № 4. С. 737–745.
- Тимофеева, 2023 – Тимофеева М. К. Междисциплинарный сопоставительный словарь терминов // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 1. С. 143–158. https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143
- Шабалкина, 2023 – Шабалкина А. А. Приемы манипуляции в политическом дискурсе (на материале немецкого языка) // Студенческая наука и XXI в. 2020. Т. 17, № 1-2 (19). С. 225–226.
- Шустова, Шипицин, 2023 – Шустова С. В., Шипицин А. А. Новая лексика в дискурсивной практике «культуры отмены» // Теоретическая и прикладная лингвистика. 2023. Вып. 9, № 3. С. 203–217.
- Andersson, Trudgill, 1990 – Andersson L., Trudgill P. Bad language. Cambridge : Basil Blackwell, 1990. 202 p.
- Culpeper, 2011 – Culpeper J. Impoliteness. Using language to cause offense. Cambridge : Cambridge University Press, 2011. 292 p.
- Foucault, 1972 – Foucault M. The archeology of knowledge and the discourse on language. New York : Pantheon, 1972. 254 p.
- Janich, 2012 – Janich N. Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge. Darmstadt : Francke Verlag, 2012. 508 S.
- Mackensen, 1973 – Mackensen L. Verführung durch Sprache. München : List Verlag, 1973. 327 S.
- McEnery, 2009 – McEnery T. Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present. London : Routledge, 2009. 276 p.
- Mills, 2004 – Mills S. Discourse. London : Routledge, 2004. 168 p.

References

- Alekshev, A. B. (2022). O funktsiyakh nevezhlivosti v politicheskom diskurse [On the functions of impoliteness in political discourse]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 3 (47), 118–129. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2022.47.3.10>
- Alekshev, A. B. (2023). Agressivizatsiya i lyudizatsiya politicheskogo diskursa v svete izucheniya politeynmenta [Aggressivization and ludization of political discourse in the light of politainment studies]. *Vestnik MGPU. Ser.: Filologiya. Teoriya yazyka. Yazykovo obrazovanie [MCU Journal of Philology. Theory of Linguistics. Linguistic Education]*, 4 (52), 170–185. (In Russ.). <https://doi.org/10.25688/2076-913X.2023.52.4.13>
- Boduleva, A. R., Dmitrieva, D. Yu., & Salina, A. S. (2023) Disfemizmy kak sredstvo yazykovoy manipulyatsii v media prostranstve (na materiale angloyazychnykh statey) [Dysphemisms as a means of language manipulation in media space (Based on English articles)]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 20–29. (In Russ.).
- Gritsenko, S. A. (2023). «Yarko, yarko goryat»: psikhopatologicheskie motivy v lyubovnoy lirike «Elizium» [‘Bright, bright burn’: Psychopathological motives in the love lyrics of Elysium]. In A. S. Melnikova, & E. I. Golovach (Eds), *Romanovskie chteniya [Romanov lectures] : International conf. proc., November 24, 2023* (pp. 129–130). Mogilev : Mogilev State A. Kuleshov University Press (In Russ.).
- Kondakova, E. A., & Printsipalova, O. V. (2021). Discourse on the linguistic implementation of the principles of political correctness in German political linguistics. *Vestnik NGU. Ser.: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [NSU Vestnik Journal. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 19 (2), 143–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2021-19-2-143-156>
- Mal'tseva, I. A. (2022). *Sportivnyy mediadiskurs: traditsii i innovatsii [Sport mediadiscourse: Traditions and innovations]*. Krasnodar : Kuban State University Press. (In Russ.).
- Pak, L. E. (2022). Diskurs sportivnogo kommentariya na angliyskom i russkom yazykakh: leksicheskie osobennosti [Discourse of sports commentary in English and Russian: lexical features]. *Vestnik*

- Vladivostokskogo gosudarstvennogo universiteta [The Territory of New Opportunities. The Herald of Vladivostok State University]*, 14 (4), 210–218. (In Russ.). <https://doi.org/10.24866/VVSU/2073-3984/2022-4/210-218>
- Pishcherskaya, E. N. (2023). Verbal'nye sredstva realizatsii kommunikativnykh strategiy v tekstakh angloyazychnoy naruzhnoy reklamy [Verbal means of implementing communicative strategies in English-language outdoor advertising]. *Filologiya. Nauchnye issledovaniya [Philology. Scientific Research]*, 4, 73–83. (In Russ.).
- Salimova, E. T. (2022). Yazykovaya igra kak sredstvo manipulirovaniya soznaniem v predvybornom politicheskom diskurse [Language game as a means of manipulating in the political discourse]. In Zh. V. Murzina (Ed.), *Pedagogika, psikhologiya, obshchestvo: ot teorii k praktike [Pedagogics, psychology, society: From theory to practice]: II All-Russia conf. proc.* (pp. 39–44). Cheboksary : Sreda Press. (In Russ.).
- Samoylova, A. V. (2022). Lingvopragmatika angloyazychnykh politicheskikh neologizmov [Linguopragmatics of English political neologisms]. In V. V. Katermina (Ed.), *Yazyk i sotsium: dinamika vzaimootnosheniy [Language and society: dynamic of interrelations]* (pp. 194–212). Krasnodar : Kuban /state University Press. (In Russ.).
- Selivanova, I. V. (2023). Strategii uderzhaniya vlasti v publichnom diskurse ispanskoj monarkhii [Verbal strategies for maintaining power in public discourse of the Spanish monarchy]. *Vestnik NGU. Seriya: Lingvistika i mezhkul'turnaya kommunikatsiya [NSU Vestnik Journal. Series: Linguistics and Intercultural Communication]*, 21 (3), 45–57. (In Russ.). <https://doi.org/10.25205/1818-7935-2023-21-3-45-57>
- Starodubtseva, N. S. (2023). Kontsept LITSO v yazykovoy kartine mira kitayskoj molodezhi [The concept FACE in the language picture of the world of the Chinese youth]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (2), 143–151. (In Russ.).
- Tereshchuk, A. A. (2023). Yazykovye osobennosti osveshcheniya pervoy karlistskoj voyny v Ispanii rossijskoj pressoy [Linguistic characteristics of covering the first Carlist war in Spain]. *Vestnik Udmurtskogo un-ta. Ser. Istoriya i filologiya [Bulletin of Udmurt University. Series History and Philology]*, 33 (4), 737–745. (In Russ.).
- Timofeeva, M. K. (2023). Mezhdistsiplinarnyy sopostavitel'nyy slovar' terminov [Interdisciplinary contrastive-comparative terminological dictionary]. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (1), 143–158. (In Russ.). https://doi.org/10.22250/24107190_2023_9_1_143
- Shabalkina, A. A. (2020). Priemy manipuljatsii v politicheskom diskurse (na materiale nemetskogo yazyka) [Manipulation techniques in political discourse (Based on German)]. *Studencheskaya nauka i XXI v. [Students' Science and the 21st Century]*, 17, 1-2 (19), 225–226. (In Russ.).
- Shustova, S. V., & Shipitsin, A. A. (2023). Novaya leksika v diskursivnoy praktike «kul'tury otmeny» [New vocabulary in the discursive practice of 'Cancel Culture']. *Teoreticheskaya i prikladnaya lingvistika [Theoretical and Applied Linguistics]*, 9 (3), 203–217. (In Russ.).
- Andersson, L., & Trudgill, P. (1990) *Bad language*. Cambridge : Basil Blackwell.
- Culpeper, J. (2011). *Impoliteness. Using language to cause offense*. Cambridge : Cambridge University Press.
- Foucault, M. (1972). *The archeology of knowledge and the discourse on language*. New York : Pantheon.
- Janich, N. (2012). *Handbuch Werbekommunikation. Sprachwissenschaftliche und interdisziplinäre Zugänge*. Darmstadt : Francke Verlag.
- Mackensen, L. (1973). *Verführung durch Sprache*. München : List Verlag.
- McEnery, T. (2009). *Swearing in English. Bad language, purity and power from 1586 to the present*. London : Routledge.
- Mills, S. (2004). *Discourse*. London : Routledge.